

Голос исчезнувшего народа: Мурад Аджи*

Зейнеп Баглан Озер, профессор
Анкарского университета Гази,
филологический факультет, кафедра
русского языка и литературы

АННОТАЦИЯ

Мурад Аджи – ученый, предлагающий новый взгляд на историческую науку и ставящий под сомнение научную обоснованность ряда догматов, считавшихся прежде непреложными истинами. В статье рассказывается о жизни Мурада Аджи, о политической, общественной обстановке и тех условиях, в которых пришлось ему работать, отстаивая свое право на новую оценку истории России. Главные темы его книг – история России и тюркских народов, Дешт-и-Кипчак, Алтай, Сибирь, переселение народов, тенгрианство и история религий. Стремясь донести свои идеи до максимально широкой аудитории, Мурад Аджи очутился в центре критики, стиль и оценки которой были весьма неоднозначны. Исследования Мурада Аджи, вписанные в контекст таких различных областей знания, как историческая география, археология, литература и лингвистика, приводят к новым результатам, стимулируя развитие новых направлений в исторической науке.

Ключевые слова: Мурад Аджи, история и историография, история России, Дешт-и-Кипчак, переселение народов, тенгрианство.

* Статья на турецком языке впервые опубликована в 2018 году в научном сборнике *Bilim ve İnsan: Şahsiyetini İnşa Edenler* (Наука и человек. Личности), выпущенном издательством Анкарского университета Гази. Ныне университет носит имя Хаджи Байрама Вели. См.: Özer Z. B. Kaybolan Milletin Sesi: Murad Adji // *Bilim ve İnsan: Şahsiyetini İnşa Edenler*. Editörler: Zeynep Bağlan Özer, Fatih Yapıcı, Şekip Aktay. – Ankara, Gazikitabevi, 2018. S. 455–479. – ISBN 978-605-344-683-5. (Прим. перевод.)

От автора

Что такое история? Насколько важна историография? Можно ли доверять «официальной» истории*? Вопросы преемственности, достоверности и надежности исторической науки находятся во власти тайной и явной политики, она и формирует общепринятые утверждения, не подлежащие критике. Общество без исторической памяти легко управляемо, поэтому во все времена, начиная с самых древних, истории предавалась такая важная роль. За столетия «официальная» история трансформировалась почти в догматическое учение, превратившись в грозную силу. Ее выводы, критика, оценки имели порой очень серьезные последствия, из-за чего пострадали многие настоящие исследователи. Их осуждали, игнорировали и подвергали репрессиям в течение всей жизни.

Существует множество примеров уничтожения и изгнания интеллектуалов из научного мира в советское время, их отчаянного положения в 1937–1938 годах. Поведение и нравственный выбор ученого очень непросто и особенно важен в такие трудные времена.

* Разумеется, история как **наука** не знает деления на официальную и неофициальную. Но, превращаясь в инструмент политики и средство идеологической обработки, она изменяет принципам научного исторического познания. Особенно остро это ощущалось в советский период, когда каждый историк был обязан следовать концепции, одобренной властью. В наши дни ситуация изменилась мало. Комментируя создание новых учебников по истории, Мурад Аджи писал: «На наших глазах в очередной раз желают переписать историю. Опять придумать, но придумать по-другому, с другими аргументами и терминами. Вновь науке предлагается обслужить идеологию, а не сформировать ее» [15. С. 80]. (*Прим. перевод.*)

Репутация ученых, пострадавших в советский период, была восстановлена только после распада Советского Союза. Господство советской идеологии, ее особое внимание к общественным наукам – сегодня это серьезная область научных исследований, потому что общественные науки служат одним из важнейших инструментов, позволяющим идеологии проникнуть во все сферы жизни. Изучение этой проблемы особенно важно для воспитания нового поколения.

Мурад Аджи, начинавший свою деятельность во времена Советского Союза, совершил невозможное. Разносторонний исследователь, ученый – географ, философ, историк, тюрколог, он поведал о предшественнице России – Великой Степи. Анализируя древние и современные источники о прошлом России в их целостности, он настойчиво продолжал свои исследования, проявляя настоящее мужество в отстаивании нового взгляда на российскую историю.

Жизнь Мурада Аджи

Мурад Аджи (Мурад Аджиев) родился 9 декабря 1944 года в Москве. О себе, своей родословной и о семье он рассказывает в книге «Мы – из рода Половецкого!» (глава «Мое открытие самого себя»). Это повествование о жизни тюрка, забывшего свои корни и потерявшего себя. «Кто есть я?» и «Что есть мои корни?». С этих вопросов, как пишет Мурад Аджи, начались его исследования в области истории.

Его детство, учеба в школе и в Университете прошли в Москве. Дома, по понятным причинам, никогда не упоминали о семейных корнях, о прошлом, о бабушке и прабабушке. Они всю жизнь жили по-русски: собственно, так жили многие семьи в советское время. В

старших классах семейные обстоятельства вынудили его пойти работать: днем он работал на заводе, а вечером учился в вечерней школе.

«Когда окончил школу, узнал, что я кумык и это плохо», – говорит Мурад Аджи. То было хуже, чем клеймо «вор»: в дальнейшей жизни он ощущал это на каждом шагу... А с годами понял, что испытания, выпавшие на его долю, привели его к правильному выбору жизненного пути. «Меня не взяли в престижный институт из-за «плохой» национальности, хотя экзамены сдал и проходил по конкурсу. То был хороший урок, поучительный. Жизнь делала меня «тюркологом», а я не понимал, противился. Поступил на вечернее отделение МГУ, работал и учился», – пишет Мурад Аджи [7. С. 52].

Несмотря на все трудности, он поступил в 1964 году на географический факультет МГУ, который окончил в 1969 году. В том же университете был принят в аспирантуру. Его кандидатская диссертация посвящена проблеме экономико-математического моделирования освоения Сибири. Работал в отделе экономического прогнозирования Министерства цветной металлургии СССР. Мурад Аджи с особым чувством вспоминает научного руководителя своей кандидатской диссертации В. Ф. Бурханова, который научил его главному – сражаться. Сила духа была для его учителя превыше всего. Жизненная позиция Бурханова, как и сама его жизнь, стали примером для Мурада Аджи.

С 1975 года он читал курс лекций по экономической географии в Финансово-экономическом институте (ВЗФЭИ), где проработал 15 лет. В этот период он активно работает в области научной журналистики,

выступает в телевизионных передачах, много времени проводит в научных командировках. Конечно, все это оказало заметное влияние на его последующие научные исследования и публикации, ибо серьезные исследования требуют многосторонних знаний. Сфера интересов Мурада Аджи включала в себя экономику, физику, химию, медицину, историю, театр, этнографию, литературу и др. А его работы в области экономической, социальной и исторической географии в конечном итоге способствовали пробуждению интереса Мурада Аджи к истории.

В 1983 году в Москве была опубликована его книга «Сибирь: XX век», в которой автор только подходил к теме истории. Но она стала важным этапом в его жизни: *«Без «Сибири...» географа Мурада Аджиева не было бы писателя-историка Мурада Аджи»*. После выхода в свет книга была внесена в черный список. Случилось это в самом конце периода «застоя», который вскоре уступил место новой политической, экономической и социальной политике и быстрым переменам в жизни. Процесс распада Советского Союза и начавшийся хаос стали спасением для таких интеллектуалов, как Мурад Аджи.

«Грозил тюрьма, если бы не смерть Брежнева, после которой началась чехарда во власти. Им стало ни до чего», – пишет Мурад Аджи [15. С. 36]. Смерть Л. И. Брежнева в 1982 году ознаменовала начало распада Советского Союза. Очень недолго, с 13 ноября 1982 года по 9 февраля 1984 года, страной правил Ю. В. Андропов. Эта короткая эпоха Андропова известна своей борьбой с алкоголем и коррупцией. Позже главой государства стал К. У. Черненко, уже тяжело больной, он продолжал исполнять свои обязанности до марта 1985 года. После его смерти с приходом М. С. Горбачева на пост главы

Советского Союза накопившиеся проблемы в стране стали катастрофическими.

Концепция «нового мышления», предложенная последним президентом Советского Союза М. С. Горбачевым, и ее реализация (перестройка, гласность, демократия и свобода) начали расшатывать «незыблемые» устои советской идеологии. В ходе этого процесса республики Советского Союза устремились к национальному самоопределению. Восстание молодежи Казахстана, начавшееся в Алматы в декабре 1986 года и названное *Желтоксаном*, стало открытым проявлением окончания эпохи Советского Союза.

Все народы Советского Союза переживали непростой период. Магазины были почти пусты, и люди большую часть времени проводили в очередях в поисках еды и предметов первой необходимости. Москва, где в советское время все было доступнее и дешевле, не стала исключением. Собственно, явление, известное как «челночная торговля», впервые зародилось в Советском Союзе. Бедность, необходимость добывать средства к существованию и стремление к любому заработку побудили высокообразованных людей пойти разными путями: много человеческих жизней, к сожалению, потеряли опору, рухнули и погибли в том хаосе. В это время вместе с политическими изменениями начались экономические инновации, такие как кооперативы и приватизация, способствующие росту коррупции. Коррупция, воровство и взяточничество достигли пика во всех сферах общественной жизни.

Неспокойным и сложным этот период оказался не только для центральной России, но и для всего Советского Союза. В таких

непростых условиях Мурад Аджи продолжал свою исследовательскую и творческую деятельность. Ему не давали защитить докторскую диссертацию, даже не приняли в Союз журналистов, несмотря на сотни публикаций в стране и за рубежом. Укоренившаяся в ВУЗах коррупция, идеологическое давление вынудили его в 1989 году завершить академическую карьеру в институте.

Мурад Аджи не один год сотрудничал со многими известными научно-популярными и литературными журналами Советского Союза, такими как «Знание – Сила», «Новый мир». И в 1989 году, уйдя из института, он стал работать научным редактором в знаменитом научно-художественном журнале «Вокруг света». Выступая в роли журналиста и исследователя, пишет этнографические статьи об «исчезающих» народах Советского Союза. В начале 90-х годов XX века участвует в поездках в «горячие» точки, публикует очерки о военных действиях на Кавказе. Его внимание к так называемым малым народам, о которых он рассказывает в своих очерках, формирует интерес к новой теме, определившей дальнейшую деятельность.

Его увлекла история собственного народа, и это стало поворотным моментом в жизни, открывшим новую тему исследований. Одна из его первых статей была о кумыках, другая – о карачаевцах. Тогда и закрепилось за ним прозвище *Пантюркист* – ярлык, который во времена Советского Союза приклеивали людям за инакомыслие. После выхода книги «Мы – из рода Половецкого!» Мурада Аджи по указанию «сверху» уволили из журнала. Фактически прекратилась и журналистская карьера. Так для него началась жизнь профессионального писателя-исследователя. Отныне он выступает под

родовой фамилией *Аджи*, вместо фамилии *Аджиев*, с которой жил в советское время.

Книги Мурада Аджи выходят на широкую аудиторию в разгар «перестройки», вызывая отклик у читателей. Конечно, он тут же столкнулся с острой критикой со стороны официальной идеологии. *«У нас выращены поколения, для которых ложь со школы стала правдой, и они с пеной у рта отстаивают ее. Остается лишь поразиться их детской доверчивости, словно опоенные, видят то, чего нет, не видят то, что было. Понимаю, им больно от моих книг. Они защищают себя. Я не вправе обижаться... Отвечаю книгами: читайте, сравнивайте, думайте, спрашивайте, наконец. Желаям понять рассказываю о предках, о корнях нашей Родины»*, – говорит Мурад Аджи [15. С. 29].

Работы Мурада Аджи

Кто есть я? Что есть мои корни? С этих вопросов Мурад Аджи начинает свои первые исследования прошлого кумыков. Их историю было принято отсчитывать с XIX века, со времён завоевания Кавказа. Эта официальная точка зрения в советскую эпоху не подлежала обсуждению. В своих очерках Мурад Аджи обратился к исследованию более далекого прошлого. Что было раньше? В 1992 году в Рыбинске (после серии статей на эту тему) выходит уже упомянутая книга *«Мы – из рода Половецкого!»*.

Научный опыт Мурада Аджи, связанный с проблемами освоения Алтая и Сибири, его знания, сыграли важную роль в понимании того, как шло заселение тех районов в далеком прошлом. Это помогло ему дать глубокое обоснование идее о Великом переселении народов, о том, что начиналось оно с Алтая. Углубляя и расширяя эту мысль в каждой

последующей книге, автор предлагает читателю новые темы для размышлений. «*Наша родина – Степь, а колыбель – Алтай*», – доказывает Мурад Аджи. В работах автора описывается политическая, социальная, религиозная и этническая история Евразии, жизнь тюрков на Алтае и их расселение на евразийском континенте. Темы, которые исследует он во всех своих произведениях: Дешт-и-Кипчак, Сибирь, Алтай и тенгрианство.

Один из важных вопросов, на который Мурад Аджи пытается ответить в своих книгах, касается Киевской Руси и утверждения, что она была основана в IX столетии. Однако действительно ли город Киев появился в результате деятельности «Русского государства»? Или это «продукт» деятельности скандинавов, которых в древности называли *Рус* (или *Рос*)? И кто жил на территории Киевской Руси до скандинавов? Может ли народ исчезнуть? Откуда взялось название «русский»? Как и почему возникли различия между Киевской Русью и Московской Русью? Почему Киевская Русь всегда была чужой для греков? Откуда взялись «католические» корни в крещении Руси Греческой церковью? Почему Московская Русь в XVI столетии вдруг стала называться Россией? Когда именно появился титул *царь*? Каково «истинное лицо» кириллицы? Как Россия начала войну на Кавказе? Куда исчезли с архивных полок документы и находки по истории Южной России?

Если рассматривать результаты научных исследований по истории, археологии, географии и филологии в их целостности и в едином контексте, совершенно очевидно, что эти вопросы имеют серьезное обоснование. Результаты своего исследования Мурад Аджи изложил в

книге «Полынь Половецкого поля, изданной в 1994 году. Это произведение в 2001 году было переведено мной на турецкий язык под названием «Исчезнувший народ: Цивилизация Дешт-и-Кипчак». Основная тема книги – Дешт-и-Кипчак. Ее издание в 1994 году, когда в России еще была сильна цензура, стало поистине чудом. Учитывая время, в которое происходила работа над книгой и ее публикация, надо прямо признать, что это – научный подвиг.

К сожалению, в современной науке ценность научного исследования зачастую определяется количеством ссылок в работе. И основная часть критики сосредоточилась на том, что в книге отсутствуют ссылки и, следовательно, она ненаучна. Однако все библиографические источники были указаны в самом тексте. Это наверняка заметили не только профессиональные историки, но и любознательные подготовленные читатели. А потому, думаю, уместно напомнить, что в Москве вышло уже 9-е издание этой книги. Кроме того, замечу, что в своих более поздних работах и новых изданиях Мурад Аджи представляет все источники, которые он использует и цитирует, в конце каждой главы и в библиографии.

Как уже говорилось, Мурад Аджи подверг сомнению тезис о том, что история России началась в IX веке. Возник вопрос, а что было раньше, и кто прежде жил на землях Руси? Он удивляется, как можно не замечать ложь: *«В Великой Степи жили тюрки-кипчаки, не славяне, они основали Киевскую Русь, потом Московскую. То были области Дешт-и-Кипчака»* [7. С. 23]. Опираясь только на строго научные факты, Мурад Аджи ищет ответ на вопрос, почему Россия, будучи

наследницей Дешт-и-Кипчака, скрывает это наследие? И как была написана новая история России?

Хроники – один из важнейших источников при изучении исторического прошлого народа. Изучение и анализ хроник играют важную роль в открытии плотной завесы тайн, которыми окружена мировая история. Исследуя летописные источники, Мурад Аджи обнаруживает ошибки «официальной» науки: в особенности это относится к работам академика Б. А. Рыбакова. Существование произведений, написанных по «политическому заказу», уже не секрет в наши дни. Противоречия, лежащие в основе российской исторической науки и имеющие место в настоящем, дают все основания для вопроса, не служит ли наука идеологии? Учет этого явления имеет большое значение в исторических исследованиях.

Мурад Аджи пишет: *«На Руси в годы ее славянизации первым ремеслом переписчика освоил князь Мстислав, восседая в великокняжеском скриптории — эдаком придворном издательстве. Дело он поставил на широкую ногу: непокладистых монахов заменил покладистыми светскими людьми. А венценосный отец его набросал конспект будущей «киевской» истории («поучения» Мономаха). Послушный сын воплотил замысел на бумаге. Воплотил, создав особый стиль летописания»* [14. С. 98].

Выводы Мурада Аджи относительно летописей подтверждаются наблюдениями российских и зарубежных ученых. Его удивляет, что документы Киевской Руси в российских архивах регулярно пропадали, так же как и археологические находки, относящиеся не к Киевской Руси IX века, а к более раннему периоду. В этой связи Мурад Аджи

отсылает читателя к двухтомному труду известного археолога и историка профессора М. И. Каргера «Древний Киев». В своей работе М. И. Каргер отмечает, что едва ли все, найденное археологами в Киеве, потом таинственно исчезало*.

В своих поисках Мурад Аджи обращается к работам зарубежных историков, исследователей, путешественников, таких как Иордан, Приск, Марцеллин, Марко Поло, Фавст Бузанд, Плано Карпини, Ибн-Баттута, Томсен, Тизенхаузен, маркиз де Кюстин. *«В каждой новой книге, чем глубже погружался в тему, тем острее чувствовал ответственность за каждое сказанное слово. Поэтому правило, которому следую безоговорочно, – не лгать, не подстраиваться, не угождать даже себе. Писать правду, приятную и неприятную... К сожалению, российская историография не отличается гибкостью, со дня своего рождения плетется в хвосте западной науки. Она никогда не имела ни лица, ни характера, соглашалась с любыми иезуитскими «новациями». Согласилась со славянским началом России, хотя извест-*

* Например, говоря о раскопках, которые проводились Д. В. Милеевым на территории Десятинной церкви с 1908 по 1914 год, М. К. Каргер пишет: «Неожиданная смерть Д. В. Милеева прервала эти работы... Что касается всей отчетной документации работ 1908-1914 гг., то она бесследно пропала». Та же участь постигла отчетную документацию Д. В. Милеева (1909—1910 гг.) по раскопкам развалин храма в бывшей митрополичьей усадьбе. Таинственно исчезла и отчетная документация С. П. Вельмина, проводившего в 1913-1914 гг. раскопки у знаменитого «храма Ирины». Пропадала не только документация, но и ценнейшие находки из кладов и древних погребений, о чём достаточно подробно сообщает Каргер в первом томе своей работы. См.: *Каргер М. К. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города: [В 2 т.] – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958 – 1961. – Т. 2. С. 20, 227, 225; Т. 1. С. 117, 205. (Прим. перевод.)*

но, что Киев заложен в V веке и не славянами, которых как народа и даже этнической общности тогда еще не существовало в природе» [15. С. 16 – 17, 21].

В древности слова «рус» и «славянин» были совершенно разными понятиями, абсолютно не совпадающими в исторических источниках. Слово «рус» означает «гребцы», «мореходы» и говорит об образе жизни древних скандинавских народов. Мурад Аджи обращает внимание на то, что финны и эстонцы и сегодня называют Швецию словом, созвучным слову «Роутси». В то время как южного соседа, который на географической карте обозначен как Россия, они традиционно называют «Вения», от слова «венеды» — то есть «славяне».

В своих выводах по этому вопросу Мурад Аджи опирается на работы других исследователей, в частности и А. А. Шахматова. Русский ученый А. А. Шахматов утверждал, что слова *Русь* и *Славяне* не были синонимами: на юге помнили, что понятие *Русь* раньше относилось только к варягам, а позже так называли жителей Киевского княжества [33. С. 227]. Констатируя явные ошибки, поздние дополнения и «нестыковки» в разных сводах русских летописей, А. А. Шахматов пишет: *«Исторической науке предстоит связать оба предания северное и южное с теми событиями, которые действительно могли иметь место при создании Русского государства»* [33. С. 231]*. Анализируя труд А. А. Шахматова «Исто-

* Под южными и северными преданиями Шахматов подразумевает в первую очередь летописи *«древнейшего Киевского свода, предшествовавшего начальным сводам Новгородской записи»*. (Прим. перевод.)

рия русского летописания», легко убедиться в правоте выводов Мурада Аджи. Язык и история – взаимосвязанные области исследования.

Тема кириллического алфавита также занимает важное место в творчестве Мурада Аджи. «Официальная история» просвещения славян братьями Кириллом и Мефодием полна противоречий. Они святые католической церкви. Прах Кирилла покоится в базилике Святого Климента в Риме. Старец взял имя Кирилл незадолго до смерти, в день святого Кирилла, когда занемог и принял святую схиму. До этого его звали Константином. Следовательно, даже самого слова «кириллица» не могло быть тогда. Кирилл был автором глаголицы. Кириллица появилась уже после смерти Кирилла. Мурад Аджи рассказывает подробности того, как в 1708 году при Петре I (за спиной которого стоял Яков Брюс) начиналось в России введение нового алфавита, как появились *новоизобретенные русские литеры* [13. С. 606 – 607].

Алфавит всегда был главным оружием языковой политики. Причины и последствия изменений алфавита, применявшихся к тюркским народам в советское время, известны [26. С. 358]. Долго ли помнили тюрки, чьи алфавиты менялись три или четыре раза за столетие, свой Дешт-и-Кипчак, частью которого они были?

Мурад Аджи неоднократно ссылается в своих книгах на известного английского историка Э. Гиббона и его «Историю упадка и разрушения Римской империи». По мнению Мурада Аджи, несмотря на противодействие Церкви, никто не рассказал о средневековой эпохе лучше Гиббона. Знание языков, эрудиция Э. Гиббона, широкое использование первоисточников вывели его исследования в совершенно иное измерение.

7–9 июня 1976 года в Риме проходила конференция «Древний Рим 138-476. Эдуард Гиббон. Упадок и разрушение Римской империи». Несмотря на высокую оценку «Истории...» была высказана и критика в адрес автора. В частности, прозвучал упрек в том, что рассуждая о Мухаммеде, он фактически противопоставляет ислам христианству. Также отмечалось, что его юмор по отношению к христианству, порой носил агрессивный оттенок. В то же время Р. Н. Паркинсон в своей работе об Э. Гиббоне называл знаменитый труд английского историка шедевром [27].

Мурад Аджи, «проштудировавший» (по его выражению) 7-томный труд Э. Гиббона, и неоднократно ссылающийся на его работы, вряд ли заслуживает упрек в «ненаучности». Скорее, это следует рассматривать как показатель широты и глубины исследований автора. «История...» Гиббона, расшатывающая фундамент «официальной» западной истории, должна быть изучена каждым историком. Не прочитав и не проанализировав этот труд, не задумавшись над тем, что лежит за пределами «официальной истории», опираясь только на недавние исторические источники, говорить о «ненаучности» выводов Мурада Аджи просто преждевременно.

По мнению Мурада Аджи, периоду Возрождения предшествовало уничтожение тюркского наследия. Этот вывод справедлив не только в отношении Западной Европы. Действительно, любое новое направление в литературе и искусстве часто используется в политических целях. Так, в XVII–XVIII веках были переписаны и отредактированы большинство русских летописей. Несмотря на то, что оригиналы были утрачены и даже их «следы» пытались ликвидировать,

все же существуют реальные исторические источники и изображения, «забытые по неосторожности» или которые не удалось уничтожить. Сотни примеров на эту тему, приведенные Мурадом Аджи в его книгах, находят подтверждение в других академических исследованиях (А. А. Шахматов, Б. А. Ларин, М. И. Артамонов, А. А. Зимин и др.). Некоторые из работ этих авторов он использует в своих исследованиях.

Вспоминаются жаркие дебаты, проходившие в Институте русской литературы РАН в связи с работой О. О. Сулейменова «Аз и Я», посвященной «Слову о полку Игореве». Опубликованная в советское время в 1978 году, она подверглась критике со стороны официальной идеологии в высоких учреждениях. А еще раньше, в 1960-е годы, в Академии наук СССР развернулась другая дискуссия. Российский историк А. А. Зимин доказывал, что «Слово о полку Игореве» принадлежит не XII веку, а XVIII столетию: *«27 февраля 1963 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР был прочитан доклад московского историка, доктора исторических наук Александра Александровича Зимины, посвященный «Слову о полку Игореве». А. А. Зимин изложил в докладе свою гипотезу, согласно которой «Слово о полку Игореве» было написано в XVIII в. архимандритом Спаса-Ярославского монастыря Иоилем Быковским, а за древнее произведение его выдал после смерти Иоила известный собиратель рукописей граф А. И. Мусин-Пушкин»* [34. С. 5].

Академик Д. С. Лихачев, выступавший в то время категорически против публикации монографии А. А. Зимины, в конце жизни изменил свое мнение и фактически завещал издание монографии и материалов дискуссии по ней. Информация об этой полемике много лет хранилась

в Архиве Академии наук в закрытом доступе, однако жена А. А. Зимина смогла опубликовать некоторые материалы. В 2000 году в журнале «Славяноведение» американский профессор Х. Баран и российский профессор Е. В. Душечкина напечатали переписку Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева по поводу дискуссии о подлинности «Слова...», рассматривая разные аспекты этой проблемы.

Материалы, посвященные этой полемике, впервые были изданы только в 2010 году в Санкт-Петербурге. Впервые публикуемая стенограмма трехдневного обсуждения в Российской академии наук, состоявшегося в мае 1964 года, легла в основу работы «История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Хранившаяся в архивах Академии наук, она в полном объеме отображает размах дискуссии и ее атмосферу. Участники встречи (Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, Е. М. Жуков, Я. С. Лурье, Н. А. Баскаков, А. Н. Котляренко, В. Л. Янин, Ф. П. Филин, В. Б. Вилинбахов, Б. В. Сапунов, Л. А. Дмитриев, Н. К. Гудзий, А. Н. Робинсон, С. Н. Азбелев, О. В. Творогов, А. А. Валиева и др.) высказали свое мнение о монографии А. А. Зимина. Вместе со стенограммой этих выступлений в книге опубликованы статьи 1963–1965 годов, посвященные самой дискуссии. Кроме того в приложении к книге дается библиография по «Слову о полку Игореве», сведения об участниках собрания. Все, что было пережито и записано в те дни, издано в виде книги.

Причина, по которой я так подробно рассказываю о Зимине, в ходе дискуссии не раз обвиняемого в выдумках, вполне понятна. Во времена Советского Союза, когда власть цензуры была очень сильна, исследователь, собирая разрозненную информацию и анализируя

независимые источники, мог прийти к оценкам, которые вызывали сомнение *. Поэтому хочу особо подчеркнуть, что концепция Мурада Аджи не плод выдумки, как уверяют некоторые авторы, а результат серьезных исследований и глубокого анализа.

Во всех произведениях Мурада Аджи детально представлена материальная культура древних тюрков. Археологические данные, собранные за последние два столетия, говорят о том, что первые следы ее начинаются на Древнем Алтае, отправной точки Великого переселения народов, – говорит Мурад Аджи. И добавляет, что это не его открытие, это установили С. В. Киселев, С. И. Руденко, А. П. Окладников: *«Они работали в СССР, и цензоры заставляли их «интерпретировать» результат – что-то недоговаривать, что-то скрывать в угоду политике»* [7. С. 15].

С. И. Руденко, проводивший археологические раскопки на Алтае, из-за цензуры не пользовался термином «тюрки». У него огромное число бесценных работ по археологии, но свою докторскую диссертацию он смог защитить только по разделу технических наук, потому что *«не захотел писать историю на «московский» манер»*. А. П. Окладников тоже старался избегать упоминаний о тюркской цивилизации, выбирая нейтральные выражения (политические соображения и официальная идеология заметно влияют на работу уче-

* Надо отметить, что точка зрения А. А. Зимина была диаметрально противоположна точке зрения О. Сулейменова как в отношении тюркизов в «Слове...», так и в отношении даты его создания. Однако З. Б. Озер в данном случае имеет в виду не столько научное содержание полемики, сколько ее стиль и методы «борьбы» с инакомыслием. (Прим. перевод.)

ных). Так получилась странная смесь правды и лжи. Но, как пишет Мурад Аджи, важно, что эти находки сделаны и опубликованы. На основе этих данных можно идти дальше, проводя новые исследования, анализируя и перепроверяя свои выводы и оценки.

Какая национальная идея у России? По мнению Мурада Аджи, ее формированию мешают придуманные герои: они прокладывают дорогу придуманной истории. Национальным героем объявили Александра Невского, подвиги которого просто вымышлены. Мурад Аджи пишет: *«Иезуиты придумали биографию Александру Невскому, который на поверку в битве на Неве в 1240 году не участвовал*. Да, в устье реки Ижоры сошлись финны с русскими, но русскими называли тогда шведов! Их вел зять шведского короля Биргер. Бой был за вход на Ладугу, о чем написано у Карамзина, но мелким шрифтом, в примечании. И на Ледовом побоище Александра Невского тоже не видели»* [7. С. 20].

* В своих работах Мурад Аджи неоднократно упоминает о роли Церкви и монашеских орденов, в том числе и иезуитов, в истории. Проследившая, как менялись цели ордена после смерти его основателя Игнатия Лойолы, он приходит к весьма неоднозначным оценкам деятельности этой организации. Отмечая отрицательные последствия вторжения иезуитов в жизнь многих государств, он не считает их врагами. *«Поиск врагов – дело пустое, «нет вечных врагов и вечных союзников». Иезуиты, пожалуй, будут самым неожиданным открытием в истории тюрков, кажется, мне удалось коснуться какой-то глубокой тайны»,* – пишет он [15. С. 153]. Воспринимая их как людей, которые когда-то отошли от правды «ради неких благих намерений», Мурад Аджи понимал глубину этой темы: *«Вижу сюжет новой книги. Вроде бы вырисовывается... Но это будет уже не моя книга, слишком поздно увидел я этот сюжет»* [15. С. 157]. Так писал он в 2016 году. А 7 марта 2018 года Мурад Аджи ушел из жизни. (Прим. перевод.)

Он объясняет, почему не могли состояться эти сражения: *«Анализ показывал: даже теоретически не могло быть тех битв, потому что у «новгородских», как и у «московских» русских не было армии, их молодежь служила у Батые. И средств на армию наемников не было».* И продолжает далее: *«Дмитрия Донского тоже придумали иезуиты, в XVIII веке. У Карамзина нашел подтверждение, опять же в примечании... К слову, кто скажет, когда Русская церковь канонизировала Дмитрия Донского? Отвечаю: при президенте Горбачеве! Признаюсь, не поверил глазам, впервые прочитав это, звонил в Патриархию. Точно. А почему? Потому что его «подвиг» не вписывался в житие Сергия Радонежского, и Церковь противилась этой странной канонизации, потом уступила. Долго не принимала она и монахов Троице-Сергиева монастыря, героев Куликовской «битвы» с языческими именами. А сколько таких, «политических», святых?.. Но здесь останавлиюсь, это уже не мой вопрос, не моя тема» [7. С. 21].*

Пытаясь проникнуть в тайны закулисной политики, связанные с явлением, известным в русской истории как «татаро-монгольское иго», Аджи обратил внимание на то, когда и при каких обстоятельствах начал использоваться этот термин.

Впервые его употребил в 1823 году учитель гимназии П. А. Наумов, поскольку, по его мнению, «все историки между собой согласны, что сии свирепые завоеватели были не татары, а монголы». Монголы же «по мере приближения их к пределам нашего отечества и к странам Западной Азии были усилены местными татарами, т.е. народами турецкого племени». Позже эта точка зрения была принята научным сообществом.

Исследуя вопрос о «татаро-монгольском иге», Мурад Аджи обращается к «Сборнику материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизенгаузена: *«Заслуга Владимира Густавовича Тизенгаузена состояла в том, что он рискнул прояснить это недоразумение»* [10. С. 332]. Говоря о неуместности подобного термина, он цитирует и С. М. Соловьева, замечая: *«Забыто, что славяне и тюрки — жители одной страны, и, чем сильнее они будут ненавидеть друг друга, тем слабее будет Россия»* [10. С. 335].

В своих исследованиях он не раз ссылается на академическую работу А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века», опубликованную в 1948 году. Там почти на каждой странице упоминаются татары, проживающие в Центральной России: «белгородские татары», «донские татары», «рязанские татары», «тульские татары». Так, где же они сейчас, куда исчезли? – недоумевает Аджи.

Если обратиться к труду известного русского филолога Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения», то можно увидеть фамилии русских аристократов, предки которых были выходцами из Золотой Орды: *Кутузов, Тургенев, Аксаков, Ушаков, Юсупов, Козаков, Суворов, Караулов, Ахматов, Бакаев, Бердяев, Огарев, Карамзин, Чаадаев, Тараканов, Мансуров, Куракин, Баскаков, Булгаков, Давыдов, Годунов...* Большинство этих фамилий принадлежит известным людям, внесшим заметный вклад в историю, литературу и искусство России.

Бесценное научное исследование Н. А. Баскакова нуждается в продолжении, потому что число русских фамилий тюркского

происхождения превышает 300 – это факт, не вызывающий сомнений. Такого же продолжения требуют работы тюркологов В. Томсена, В. В. Радлова, В. Бартольда, М. Фасмера, Е. Н. Шиповой и др. История, религия, народные традиции, ценности и верования – основа культурных кодов общества и ценнейший объект исследования.

Мурад Аджи, обращаясь к некоторым из перечисленных авторов, конечно, использует и другие, самые разные источники. Например, его внимание привлекли следующие строки известного русского писателя, литературоведа и критика Ю. Тынянова: «Туманное великорусское дворянское государство принимало и изгоняло людей, — пишет Тынянов, — рылось в бумагах, шелестело грамотами, верными и поддельными, блюло местничество, шарило в постелях. Потому что нужна была родословная, а в родословной самое легкое — первые страницы, потом идет труднее».

«Первые страницы – те, что бесспорные, – у всех читались по-тюркски», – замечает Мурад Аджи. У него есть все основания для слов: *«Кто есть кто на Руси, сказать трудно. А понять что-нибудь вообще невозможно. Меняли лицо Дешт-и-Кипчака изошренно, не всегда и заметно»* [14. С. 382].

Один из очевидных примеров таких изменений – казаки. Мурад Аджи подробно рассказывает об их истории, опираясь в своих исследованиях на анализ разных научных источников. Казаки оказались первыми, кто потерял свое имя при советском режиме при рассказывании.

Казаки были свободным сословием в Дешт-и-Кипчаке. С введением в 1723 году наказного атаманства они полностью утратили этот

свободный дух. *«9 сентября 1769 года последовал приказ о замене национальной одежды казаков на русское обмундирование... 18 августа 1801 года новым приказом донских казаков обязали носить только русское обмундирование и дома, и на службе»* [14. С. 391, 392]. Используя архивные источники, Мурад Аджи рисует убедительную картину того, как происходил процесс русификации казачества.

Многое можно почерпнуть в произведении русского писателя Льва Толстого «Казачьи», показавшего образ жизни, повадки и традиции казаков. Говоря о том, как менялся уклад жизни в Степи, Мурад Аджи приводит пример из «Мертвых душ» известного русского писателя Н. В. Гоголя. Корни нынешних российских и украинских проблем уходят в глубь веков, здесь уместно вспомнить фразу украинского тюрколога Омеляна Прицака: *«Украинцы – это древние тюрки, говорящие на славянском языке»*.

Мурад Аджи активно использует в своих книгах наряду с научными источниками литературные произведения, и описываемые им события будто оживают, позволяя взглянуть на них под новым углом зрения. Полезно «перечитать» произведения русской литературы с учетом исторической и политической ситуации того периода. Не стоит забывать, что история – это не только хронология и документы. За историей стоят общество и люди.

«История – наука о Человеке; она, разумеется, использует факты, но это – факты человеческой жизни. Задача историка: постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшимися в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать».

История, разумеется, использует тексты, но это – человеческие тексты. Сами слова, которые их составляют, насыщены человеческой сутью. И у каждого из этих слов – своя история, каждое в разные эпохи звучит по-разному, и даже те из них, что относятся к материальным предметам, лишь изредка полностью совпадают по смыслу, лишь изредка обозначают равные или равноценные свойства» [22. С. 20]. Литературные произведения, посвященные истории, апеллируют к человеческим эмоциям. Литература – это своеобразное отражение истории (истинной или ложной) глазами автора.

Исследуя дела минувших дней, можно увидеть, как конкретные исторические лица трансформируются порой в героев сказок и легенд. Персонажи фольклора являются действующими лицами и живыми свидетелями исторических событий, т. е. отражают историю. Чувства древних людей, их побуждения и деяния, восприятие окружающего мира и система ценностей также отражают истинную историю, настоящую жизнь людей и общества. За сюжетом сказок можно увидеть мораль, образ жизни, традиции, религиозные воззрения, духовные ценности определённого общества, отношения с соседями, военные походы. В них – назидание и наказ будущим поколениям.

Это чувствуется во всех произведениях Мурада Аджи. Манерой своего письма он возрождает древние традиции тюркской культуры. Вот почему так органично выглядят стихотворения, вплетенные в текст. Авторами стихов являются российские известные поэты XVIII–XX веков и тюркские поэты раннего средневековья. Удивительная по своей красноречивости «перекличка» эпох и стилей. После этого совсем иначе воспринимается замечание М. Аджи о том, что в сказках А. С.

Пушкина, в известных произведениях Л. Н. Толстого и Н. М. Карамзина находят широкое отражение тюркские национально-культурные традиции. Остается только согласиться с высказыванием автора о том, что филологические исследования не будут полными без обращения к древней истории, археологии, географии, тюркской мифологии, тюркским языкам и литературам.

Исторические работы обычно адресованы ученым и исследователям. Однако хотелось, чтобы такие важные знания вызывали интерес у широкого круга читателей, у людей различного возраста и уровня образования, разных профессий, а также у их детей.

Мурад Аджи. *Великая степь. Приношение тюрка*. В это юбилейное издание вошли три книги автора: *Кипчаки, Кипчаки. Огузы* и *Дыхание Армагеддона*. Кроме того, включены: сюжетная композиция пьесы *Царь Аттила* и сценарий документального фильма *Кавказские война и мир*, которые ранее не публиковались. «Посвящаю это повествование своему народу», – говорит М. Аджи. Автор писал книгу специально для семейного чтения, выбрав для этого научно-художественный стиль изложения.

Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой степи Мурада Аджи впервые опубликовали в Москве в 1999 году. Я перевела ее на турецкий язык в 2002 году. Что очень важно, эта книга адресована, школьникам и их родителям. Автор рассказывает о становлении тюрков как народа, об их культуре и о следах той культуры, которые сохранились до наших дней. Выразительность повествования сочетается с четкостью изложения. Адресованная широкому кругу

читателей книга затрагивает многие важные исторические темы. Это очень непростая задача – доступно и не пренебрегая научной строгостью, объяснить школьникам сложные вопросы. Например, *живопись Древнего Алтая, праздник ели, хан Акташ, тюрки и Византия, тюрки глазами византийца Приска, новый Дешт-и- Кипчак.*

Большое место в книге отдано великолепному иллюстративному материалу, в котором представлены известные картины, редкие музейные экспонаты из крупнейших мировых собраний и выставок. Это дает возможность школьникам получить представление об архитектуре и искусстве, которые играют такую важную роль в жизни общества. Сам же иллюстративный материал может сыграть серьезную роль в сравнительном исследовании архитектурных традиций в историческом контексте.

Его *Кипчаки. Огузы* впервые опубликовали в Москве в 2001 году. Это – вторая книга в задуманной автором трилогии о тюркском народе. В ней рассказывается о средневековье, об Алтае, переселении народов, периоде после Аттилы, жизни тюрков в Европе, деятельности Церкви, зарождении ислама и многих других событиях, связанных между собой. Иллюстрации в книге (такие же выразительные, как в издании *Кипчаки*) можно назвать визуальным текстом. Они носят документальный характер и помогают оценить вклад тюрков в мировое культурное наследие. Например, глава *Английские кипчаки* явно привлечет внимание читателя своими необычными, на первый взгляд, выводами. В этом и состоит особая ценность книги – она учит, дает новые знания и заставляет думать. Стиль изложения, доступный для школьников, направлен на то, чтобы побудить к размышлениям о

нашем прошлом, познанию своих корней и поиску ответов на новые вопросы.

По мнению Тумена Сомунджоглу: *«Книги М. Аджи пробуждают историческое сознание тюркских народов... Обычно скучные и сухие учебники по истории были неинтересны массовому читателю. Восприятие истории членами общества определялось сложившейся официальной политикой. Общественные науки, в частности, история и литература как отражение истории, веками служили оружием в руках правящих идеологий. М. Аджи сумел разрушить этот стереотип, приблизил историю к Читателю»* [30].

Книги Мурада Аджи преследуют особую цель. Читая их, может сложиться впечатление, что перед нами исторический роман, легенда, миф или сказка. Для историка, очертившего сферу и границы «исторической науки», за рамки которой, с его точки зрения, выходить непозволительно, работа оставляет много вопросов или даже недоумение: «Может ли быть такой сказочной история?» Однако благодаря особому стилю повествования работы Мурада Аджи привлекают пытливого и образованного читателя.

То же можно сказать и о книге ***Европа. Тюрки. Великая Стень***. Первое её издание вышло в Москве в 1998 году. Здесь Мурад Аджи впервые изложил свою концепцию Великого переселения народов, развивая эту тему в своих дальнейших исследованиях уже 25 лет. Издание можно охарактеризовать как научно-популярную книгу, написанную в лучших традициях жанра. Опираясь на авторитетные научные источники, автор обращается к читателям, не равнодушным к истории. Думаю, наше общество нуждается в подобных работах,

которые пока остаются большой редкостью. Я перевела эту книгу на турецкий язык в 2016 году.

Цели и задачи книги автор представляет в *Предисловии*, которое состоит из пяти частей: 1. Мы – кипчаки; 2. Алтайская колыбель; 3. Великое переселение народов; 4. Наши духовные сокровища; 5. Европейские кипчаки. *Приложение*, которое представляет собой отдельный раздел, посвящено святому Георгию. Мурад Аджи исходит из того, что за «мифологическими» героями, известными в мире как святой Георгий, Хызр, Керсаспа, Хадир, стоит реальная историческая личность, и исследует исторические события, на фоне которых происходили легендарные события. Пояснения к тексту даны в *Примечаниях* в конце книги.

При внимательном чтении можно заметить и то, что поначалу воспринимается как некоторые противоречия, однако на деле оказывается взаимодополняющими сведениями. Например, с одной стороны, подчёркивается важность креста и указывается источник этого символа. В *Примечаниях* же крест упоминается не только как религиозный символ, но и как украшение, которое используется в различных композициях.

Исходя из таких дополнений к основному тексту, необходимо отметить, что *Примечания* вообще являются важным разделом всех книг автора. Эти примечания надо читать очень внимательно, поскольку их содержание серьезно дополняет и поясняет основной текст.

В третьей части книги в главе *Утраченное наследие* Мурад Аджи обращается к духовному наследию тюрков, о котором мы мало что

знаем. Его заинтересовала этимология таких слов, как *аббат, акафист, алтарь, артос, Бог, бурса, Господи, дух, ересь, икона, кадило, камилавка, клобук, колокол, кукуль, монастырь, кондак, лабарум, нимб, орарь*. Изучив их историю, он пришел к выводу о тюркском происхождении не только этих, но и других религиозных терминов. Необходимы дальнейшие серьезные исследования, чтобы тюркское духовное наследие не оказалось окончательно утраченным, говорит Мурад Аджи. И эти исследования не должны ограничиваться только лингвистикой.

Учитывая, что за каждым словом стоит часть истории, его необходимо рассматривать как исторический документ. Потому что каждая лексема – это знак, отражающий уровень развития общества в разных областях: вооружение, армия, экономика, наука, религия, культура. И таких слов много: *караул, карандаш, пай, шаровары, товар, булат, башка, арба, изба, товарищ, деньги, терем, казна, казначей, аркан, башмак, уйма, кочевник...*

В другой своей книге Мурад Аджи напишет: *«Мы уже забыли, что в русском языке не менее половины слов тюркские или выведены из тюркского языка. И это естественно. Так должно быть: Россия не могла не продолжить языковые традиции Руси. Все-таки изгнанные Батыем тюрки основали Московскую Русь. Они, слуги Рюриковичей, ставшие славянами. А тюркский язык, надо заметить, обладает редкой особенностью, его можно менять, он легкий и подвижный в грамматическом строе. Но... при слиянии с другими языками всегда доминирует! Это отмечают все специалисты»* [13. С. 613]. Сотни филологических исследований подтверждают его вывод...

В разделе *Расколы и раскольники*, объясняя политику Церкви, он подробно рассказывает о беспощадной борьбе между Греческой и Римской церковью за господство в этих землях. Идею «Третьего Рима» огласил в начале XVI века монах Филофей из Пскова. И эта идея стала политической теорией Московской Руси. *«С ней связали убеждение, что Русь — безупречнейшее и благочестивейшее царство на свете... Греки, взявшие на себя роль режиссеров-постановщиков будущей трагедии, опекали «третий Рим», как могли, они чувствовали, что Москва жаждала заполучить новую роль любой ценой. Но по сценарию от нее требовалось «превзойти всех благочестием».* Тогда и начали переключивать страницы тюркской истории в историю Московской Руси [14. С. 313].

Опираясь на многочисленные источники, автор показывает, как благодаря своей изощренной политике Греческая церковь пришла к победе, и как этот процесс повлиял на историю России. Раскол, случившийся в 1666 году, подготовил события, происходившие в XVI веке при Иване Грозном.

«Случайно ли на русский трон в 1613 году сел Михаил Романов? Кто его посадил?» – спрашивает Мурад Аджи. Отмечая, что до 1613 года фамилия предков Михаила Романова была Кобыл, затем Кошкины, он видит политический подтекст в принятии фамилии Романов. Мечта о «Третьем Риме» и смена фамилии (на латинском она означает *римский*) взаимосвязаны, то первый шаг к господству династии Романовых. События, предшествовавшие приходу к власти Романовых, известны как **Смута**. Смутное время, его истинные цели нуждаются в глубоком и тщательном исследовании. Этот период истории

подготовил основу для кардинальных изменений, произошедших в XVIII веке.

Более подробно тема Смуты освещена в работе *Тюрки и мир: сокровенная история*. Мурад Аджи считает ее вершиной своего творчества. Здесь он развивает свою концепцию, углубляя и расширяя поиск. *«На моем рабочем столе перебивали сотни книг. Чтобы написать «Тюрки и мир: сокровенная история», проанализировал их полторы тысячи, список основных из них прилагается к каждой главе. География – наука аналитическая, точная. Используя ее методiku, я пришел к выводам, «малоубедительным» для «официальных» историков», –* говорит Мурад Аджи*.

Приверженцам «официальной» истории действительно трудно принять эту книгу. Автор предлагает обширную информацию по каждой из тем, затронутых в работе: это и ссылки в тексте, и библиография. Ученый никогда не довольствуется одним источником в своих поисках. Он считает нужным изучить несколько работ, иногда противоречащих друг другу в выводах: *«Я не открываю ничего нового, лишь анализирую открытое, но не названное. Таков удел географа».*

* В «Саге о Великой Степи» он пишет: *«Мое умение — в искусстве анализа, в сборе и изложении фактов, то есть в том, что сегодня является редкостью для профессионала-историка. Конечно, тот, кто называет меня не историком, прав. Я географ-экономист, пишу книги с позиций своей науки, которую энциклопедия трактует как «область знаний на стыке истории и географии». Не моя вина, что легенды и мифы «официальной» истории порой не выдерживают проверки точными науками. «Не кори зеркало...» — говорят в таких случаях в народе» [15. С. 72]. (Прим. перевод.)*

В этой связи вспоминаются ожесточенные споры, развернувшиеся в советское время вокруг произведений известного российского историка Л. Н. Гумилёва. Его работы получили признание после распада Советского Союза. Академик Д. С. Лихачёв, известный российский ученый-литературовед, в предисловии к книге Л. Н. Гумилёва «Древняя Русь и Великая Степь» писал: «Спорить с Л. Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л. Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое» [23. С.9].

Как специалист по истории культуры, «объединяющей филологию, искусствоведение и историю», Д. С. Лихачев приветствовал «расширение научного видения в сторону естествознания и, в частности, **географии**», считая, что работа Гумилева выходит за рамки традиционного понимания истории и вносит большой вклад в историческую науку. Эти работы по-разному воспринимались массовым читателем; уместно напомнить, что историки тоже выступали против его идей.

«Конечно, Гумилев близко подошел к теме «правдивая история», но не погрузился в нее – не сумел... Вернее, не дали, – замечает Мурад Аджи, рассказывая о Дешт-и-Кипчак. – Из его работ выводов о той стране не сделать, она ему служила лишь фоном для философских умозрений. Не более. Конкретно о ней, о ее народе, о культуре ученый сказал крайне мало. Запрещали» [15. С. 12].

Как известно, в древности религия играла большую роль в проводимой политике и определяла ее; поэтому так важно в исторических исследованиях проследить взаимосвязь религиозных и

политических изменений. В своих работах Мурад Аджи подробно разбирает внутривполитические и внешнеполитические причины процесса христианизации России. Касаясь истории происхождения христианских символов, он приводит выразительные детали. Например, дает этимологический разбор русского слова ёлка. Дерево, которое стало главным символом христианского праздника – Рождества, почиталось еще у древних тюрков. В их религиозных представлениях ёлка соединяла мир людей с небесным миром. «Ёл – в переводе с тюркского означает “путь”, “дорога”, а ёлка – «будь доро́гой», – пишет Мурад Аджи. Словно стрела, указывала ёлка «путь», ведущий к Небу.

Дороги, по которым христианство проникло в Россию, приводят автора на Кавказ. И возникают новые вопросы. Кто строил и освящал первые армянские храмы? Почему их ориентировали на восток? Что делает тюркская тамга на стенах древних армянских храмов? *«В стене одного из монастырей (около часовни Вачагана III Блаженного) есть камень с изображением всадника в тюркской одежде и головном уборе (у кипчаков он назывался клобук), с седлом без стремян... Что это за такой всадник-священник? И почему он удивительно похож на тех, что высечены на скалах Алтая и Южной Сибири?.. Многие пора историкам Церкви приводить в соответствие с реальностью, которая немым укором взирает со стен самих же древнеармянских храмов и монастырей...»* [14. С. 447].

Совершенно очевидно, что история Церкви и мировая история – предметы взаимосвязанные, и это важное обстоятельство необходимо принимать во внимание при изучении прошлого. Так, шаг за шагом

Мурад Аджи подошел в своих исследованиях к теме тенгрианства. Он показал, как тенгрианство благодаря Великому переселению народов повлияло на развитие мировых религий. Сегодня, изучая вопрос с разных точек зрения, к проблеме тенгрианства обращаются религиоведы, лингвисты и философы.

Хочется особо отметить, что в академических исследованиях и библиографии работам Мурада Аджи отведено достойное место. Например, профессор З. К. Сабитова в своей монографии «Прошлое в настоящем», проводя сравнительно-лингвистический анализ понятий «верхний» и «нижний» (небо – земля) у славян и тюрков, ссылается на исследования Мурада Аджи по тенгрианству.

Сравнительные исследования помогают выявить общее в национально-культурных традициях разных народов. Древняя архитектура, произведения искусства «прочитываются» по-новому. Исследуя религиозные традиции, можно заметить общность обрядов; в народных танцах – этапы развития древних верований, в наскальных рисунках и орнаментах – образ жизни человека. Как замечает Мурад Аджи, ничего не исчезает бесследно.

В его трудах содержится обширный и всесторонний анализ научных источников по этим вопросам – как зарубежных, так и российских. Это позволяет уже новым исследователям продвинуться дальше, проводя глубокое, всестороннее и сравнительное изучение исторических событий. Потому что, как считает Мурад Аджи, невозможно в одной книге описать Великую степь – огромную и загадочную страну, в одиночку такой путь не осилить.

Каждый научный источник, как и работы, давно считающиеся классическими в современной науке, необходимо оценивать критически и сравнивать с данными, которые, на первый взгляд, им противоречат. Без первоисточника и поиска путей к нему серьезное исследование невозможно.

Исходя из этого, Мурад Аджи ставит под сомнение труды русского историка В. Татищева, которые называют первой фундаментальной работой по русской истории: *«Мало кто знает, что модель, по которой написали свои исторические труды Карамзин, Соловьев, Рыбаков, разработали иезуиты. Яков Брюс внедрял ее в умы россиян – откуда и как появилась его «Кабинетная летопись», никто не знает, но именно она стала лекалом для остальных... Под руководством Брюса первый русский историк Василий Татищев в XVIII веке создал фундаментальный труд «История Российская с самых древнейших времен»... Против нее, вернее против иезуитского вторжения в русскую жизнь, восстал Михаил Васильевич Ломоносов, но его труд не напечатали – зачитали. Он бесследно исчез, как исчезло многое из прошлого России*. Были потеряны не века, а патриархальные тысячелетия. Самые выдающиеся. Иезуиты их просто обрубали, придумав IX век, Киев, славян и бессвязную «историю» Киевской Руси» [15. С. 12]. Мурада Аджи заинтересовал период русской истории, пред-*

* В 1766 году уже после смерти Ломоносова вышла в свет его «Древняя российская история от начала российского народа...». Это первая часть задуманного обширного труда, над которым он работал около 12 лет. Высказываются предположения, что остальное Ломоносов не успел написать, либо из всего написанного сохранилась только первая часть. (Прим. перевод.)

шествующий IX веку. В науке давно существует спор по этому вопросу между сторонниками норманской и славянской теорий. Опираясь на свои исследования, он выдвигает теорию о тюркском прошлом Киевской Руси: *«Ушло из обихода упоминание о державе, предшествовавшей Руси, которую называли Дешт-и-Кипчак. Эта держава и есть наша Родина... Но кто из российских историков внятно сказал о ней? Никто»* [15. С. 13].

XVIII век можно рассматривать как «век радикальных перемен» в истории России, но, как видно при ближайшем рассмотрении, подготовка к нему велась давно. С этих приготовлений и начался процесс перемен. Как замечает М. Аджи, реформируют Россию с XVII века, меняя при этом людям историческую и социальную память. И после каждой реформы жить становилось хуже.

Во время поездки Петра Великого в Европу в 1697 – 1698 годах Лейбниц рекомендовал создать Российскую академию наук, что и было сделано по западному образцу. Лейбниц получил от царя титул тайного советника и хорошую пенсию. Неофициальным советником царя был и Ньютон. (Кстати, Ньютон был хорошо знаком с работами восточных ученых. Возможно, кто-то знает имя Аль-Хорезми?) Любопытно, что именно в этот период летописи становятся объектом внимания на государственном уровне, тогда и начали закладываться основы русской историографии.

Мурад Аджи, говоря о Якове Брюсе, упоминает о «Кабинетной летописи». Ряд исследователей полагает, что в данном случае речь идет о копии так называемой Радзивилловской летописи. В 1719 году В.

Татищев начал работу по написанию «Истории Российской», а в 1720 году Брюс – один из близких сподвижников Петра I – передал ему для работы копию летописи из библиотеки Петра I. Недоумение М. Аджи по поводу происхождения этого документа вполне обосновано. Источник, по которому писал свою «Историю...» Татищев, не найден. Да и сам документ, известный сегодня под названием Радзивилловская летопись, вызывает много вопросов.

Как попала рукопись в частные руки и где находилась прежде, точно сказать нельзя. Достоверно известно, что в 1606 году ее владельцем стал Станислав Зенович. Он и подарил список семье Радзивиллов (отсюда название). Позднее, по завещанию Богуслава Радзивилла, скончавшегося в 1669 году, летопись в составе его книжного собрания попала в 1671 году в Замковую библиотеку Кёнигсберга (ныне город Калининград в России). В 1697 году во время «Великого посольства в Пруссию» Петр I высказывает интерес к рукописи (некоторые авторы даже заявляют, что ее открытие принадлежит Петру)*. По его распоряжению позднее делают копию до-

*Летопись доводит рассказ до событий, датированных 6714 (1205/06) годом. Сам документ (считалось, что это **точный** список более ранних летописей) датируется концом XV века, не ранее. (Бумага польского производства, используемая в летописи, имеет характерные особенности – филигранные знаки, которые позволяют относительно точно установить эту дату.) В 1716 году, как указывает Татищев, Петр распорядился снять с нее копию. Однако по данным Библиотеки Академии наук, в которой хранится этот документ, копия выполнена в 1713 году. Подробнее см.: *Шахматов А. А.* Описание рукописи. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902. (Прим. перевод.)

кумента. Ее (или копию ее?) передает Брюс В. Татищеву для работы. Позднее, в 1760 году летопись поступила в Библиотеку Российской академии наук.

Дешт-и Кипчак – поистине забытая страница русской истории. *«Советский период — сплошное белое пятно. Намеками говорим о событиях, изменивших лицо Руси, потом России. Помним, цензура отменена, но цензоры остались. Страх душит «официальную» науку, он мешает сказать правду. Мешает принять правду. В этом я вижу трагедию. Историография, как и история, превратилась в науку слов, а не фактов»* [16. С. 16].

По мнению российского историка профессора М. И. Артамонова, «начальная русская история была тесно связана с хазарской». Однако ко времени возникновения русского летописания хазары уже сошли с исторической арены, поэтому русские летописи содержат очень скудные данные о хазарах [19. С. 12–13]. Полагаю, внимательный читатель, знакомый с его «Историей хазар», более вдумчиво подойдет к основным положениям концепции Мурада Аджи, выдвинутой в его книгах. Разные мнения по этому поводу вполне естественны.

В статье, посвященной памяти своего учителя М. И. Артамонова, профессор С. А. Плетнева упоминает о том, как мощное степное государство надолго исчезло из истории России. Ее упрек заставляет задуматься*.

* Плетнева писала: «Следует сказать, что подхватившая М. И. Артамонова волна успеха... привела к ответному всплеску эмоций и действий со стороны многих его недоброжелателей среди коллег и ровесников. В 1951 г. в «Правде» появилась маленькая, по существу анонимная (подписана никому неизвестным товарищем Ивано-

Мурад Аджи в своих книгах восстанавливает утраченную историю России, которая была забыта, стерта, видоизменена и переписана. *«Казалось бы, археология рассказала о далеких веках, дала пищу аналитику. Иные находки можно трогать руками, а историки, зомбированные Яковом Брюсом, не смогли даже свести их воедино и посмотреть на Алтай как на колыбель России»,* – пишет Мурад Аджи.

Стараясь быть ближе к читателю и донести до него основные идеи своих книг, Мурад Аджи прибегает к форме «вопрос-ответ». Его «Дыхание Армагеддона», рожденное вопросами читателей, построено как разговор с ними. Отвечает автор и на вопрос, почему он, географ, увлекся историей: *«Мне интересна не история, а уроки, которые извлекаются из нее, ибо «опыт учит», говорили древние». Анализом прошлого никто не занимался. Именно анализом! Это, к сожалению, у нас в традиции. Проку от такой истории мало. Можно обмануть себя, можно обмануть других, но ради чего? Опыт не учит... Незнание себя, своих корней привело Россию к печальному результату: в самой богатой стране мира живет самый нищий народ»* [16. С. 4].

вым) заметочка о завышении роли иудейского государства — Хазарского каганата, явно направленная против М. И. Артамонова. Этого краткого «ату его», напечатанного в руководящей газете в разгар борьбы с «врачами-отравителями», было достаточно для начала травли. Выступили многие, доказывая предвзятость и несостоятельность высказываемых учёным положений о существовании Хазарского каганата и его культуры. Это мощное степное государство надолго «выпало» из истории нашей страны». См.: Плетнева С. А. (1998). Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения). // Российская археология. 1998, № 4. С. 202–213. (Прим. перевод.)

Книга «Без Вечного Синего Неба» продолжает начатый разговор, а его диалоги с читателем, где звучат самые разные вопросы, помогают проникнуть в творческую лабораторию автора, открывая нам его мир. Традиция «семейного чтения», которую пытается возродить своими книгами Мурад Аджи в России, может стать важным шагом в воспитании подрастающего поколения, в его образовании и обучении. Издание таких книг следует поощрять и поддерживать в Турции. Не следует забывать, книги пишутся для того, чтобы их читали.

Основные положения концепции Мурада Аджи противоречат «официальной» истории России, потрясая ее устои. Вот почему представители официальной точки зрения не принимают его взгляды. В этой связи уместно вспомнить речь известного российского историка Ф. И. Успенского в память 900-летнего юбилея крещения Руси (она опубликована в его «Истории Византийской империи»): *«Русских упрекают за недостаточное знание своей древней истории. Подобные упреки до известной степени оправдываются состоянием, в котором находится наука о древности. В нашей древней истории есть наиболее болезненное место, к которому нельзя приступать без опасения возбудить сильную боль во всем организме. С какой бы осторожностью, и как бы поверхностно ни коснулся кто древней истории, он неминуемо попадет на это болезненное место и потревожит все здание Русской истории в самых его основаниях. С теоретической точки зрения — это вопрос разума и веры в историю, летописания и исторического творчества. В практическом отношении дело сводится к следующему принципиальному положению: **национальными***

элементами полагается основание русской истории и или чужеземными?» [32. С. 510].

Не желая обременять слушателей изложением сложных вопросов, он прибегает к образному языку, используя элементы фольклора. Это сравнение как нельзя лучше рисует проблемы, с которыми сталкивается независимый исследователь русской истории: *«На одной дороге, вводящей в историю X в., читается надпись: пойдешь по этой дороге, уйдешь в скандинавоманию, сам останешься цел, но будешь долго блуждать и забудешь свой род и племя. На другой надписи читается: эта дорога ведет в славянскую Русь, но где эта Русь находится, никто не знает: кто возьмет этот путь, потеряет коня и вооружение, на него нападут чудовища: скифы, роксолане, хазары, варяги, наконец, ему угрожает сильное вражеское нападение на днепровских порогах. Исход сего последнего неизвестен. Третьей дороги нет, а есть лишь глухое предупреждение: будешь сам искать новой прямой дороги, и коня потеряешь, и себя погубишь. Подобные угрожающие надписи не запугивали, однако, любознательности, время от времени снаряжались и снаряжаются путешествия в древнюю русскую историю» [32. С. 510].*

Вот эту «прямую дорогу» и выбрал Мурад Аджи, продолжая упорно работать, несмотря на все препятствия и трудности. *«Судьба оказалась ко мне благосклоннее, дала больше возможностей, значит, с меня и больший спрос, я обязан был сказать то, что хотел. Удалось ли это? Судить читателям», – пишет М. Аджи.*

Некоторые авторы объявили его работы «в области истории тюркских народов» далёкими от науки. Они обвиняют Мурада Аджи в

национализме и в том, что его выводы «противоречат всему комплексу материалов, накопленных в результате труда многих поколений ученых». Свои обвинения в адрес исследователя они сопровождают словами о «фолк-истори». *«Моя «фолк-истори», горькая, как полынь»*, – пишет в ответ М. Аджи *.

Я уверена, что труды Мурада Аджи, которые в течение 25 лет пыталась игнорировать «официальная» историческая наука, рано или поздно неизбежно обретут признание. В его книгах обсуждаются важные вопросы. Его выводы подтверждаются источниками из самых разных областей знания, необходима их объективная оценка, а не голословная «критика».

Научный мир, к сожалению, проявлял безразличие к работе многих ученых, отдавших свои жизни во имя науки в советские времена (пери-

* Не касаясь многочисленных научных ошибок и откровенного подлога в этих исключительно заочных выступлениях, хотелось бы уточнить отдельные их выражения. Поскольку открытых дискуссий с Мурадом Аджи авторы избегали, употребление ими таких слов, как «отпор» и «борьба», в данном случае представляется некорректным. В русском языке для подобных действий существуют менее пафосные и более точные слова.

В своем последнем интервью Мурад Аджи по поводу подобных высказываний заметил: *«Сколько же доносов написали и продолжают писать на меня. Не счесть. Обвиняют в пантюркизме... В национализме... В произволе... А то, что в основе моих исследований лежит наука география, которой я занимаюсь уже полвека, кляузники даже не поняли. Для них это – лженаука. И всё. Но больше всего поражает в моих цензорах «отвага». Никто (!) не прислал мне свою «работу». Ни один! Узнавал об их «творчестве» от читателей. (Смеется.) Как назвать таких авторов?»* См.: Аджи М. Мурад Аджи о своих сокровищах (интервью)// Мир Азербайджана (Azərbaycan dünyası), 2017, октябрь. (Прим. перевод.)

од 1937–1938 гг.). «Наказание» осуществляла власть – представитель официальной идеологии. Никто не осмелился возразить, предпочитая молчание. К сожалению, таков удел ученых...

Мурад Аджи верит, что его работы когда-нибудь будут услышаны: *«Испив чистой воды, кто-то из самых яростных славянофилов задумается над историей нашей Родины, начнет анализировать факты. И – перестанут скрывать «тюркский след» в истории Европы, им станут гордиться».*

Выводы

Для любого общества важно знать свое многовековое прошлое и, проявляя интерес к нему, объективно оценивать события в контексте мировой истории. Это особенно важно, потому что история играет большую роль в формировании мировоззрения народа и, следовательно, в развитии страны. Вот почему, на мой взгляд, одной из задач учёного должна быть популяризация общественных наук. Мурад Аджи выполняет эту задачу с блеском, стараясь доступно объяснить историю широкому кругу читателей, донести важные знания и аксиологическую оценку исторических событий до людей различного возраста и уровня образования, разных профессий, и в то же время, проявляя уважение к читателю. Его особый стиль возрождает забытые традиции серьезного изложения научных проблем хорошим литературным языком.

Рассматривая видимые и невидимые, скрытые связи между историческими событиями в целостности, в контексте мировой истории и культуры, Мурад Аджи выявляет общность исторических,

религиозных и национально-культурных традиций различных народов. Алтай, Сибирь, переселение народов, Дешт-и-Кипчак, тенгрианство, история «до Руси», роль и место тюрков в мировой истории – эти темы тесно переплетены и взаимосвязаны. Исследуя их, он приходит к выводам, которые стимулируют развитие новых направлений в исторической науке.

Переписывание истории народов Алтая, Сибири и Средней Азии началось задолго до появления царской России и продолжается в наши дни; Мурад Аджи рассматривает этапы этого процесса и его последствия в исторической перспективе. Он убедительно доказывает, в частности, что неотъемлемой частью такой политики является изменение географических названий. Кардинальные политические преобразования, изменение геополитических границ способствовало появлению «новых государств», которые переписывают свою историю в угоду новейшей политике.

В этом же ряду стоит сознательная смена алфавитов, языковая колониальная политика, различные наименования и оценка одних и тех же явлений. Всё это звенья одной цепи, которые препятствуют видению целостной исторической картины мира. Неудивительно поэтому, что сегодня концепции большинства историко-географических понятий и их отражение в науке рассматривается и оценивается в основном с точки зрения новейшей истории. Все это подводит к выводу о том, что недопустимо рассматривать историю определённой страны изолированно, как это практикуется сегодня, без связи с прошлым и с точки зрения современных политических карт мира. Этот безнадежно устаревший метод ограничивает сферу исследования жёсткими

идеологическими факторами.

В книгах Мурада Аджи прослеживается живая связь между прошлым и настоящим, которая побуждает к размышлению, к новым научным исследованиям и выводам. Конечно, некоторые из затронутых им вопросов не новы, по ним сегодня существует множество публикаций с разными оценками. Чем же выделяются работы Мурада Аджи? Он использует источники, находящиеся в открытом доступе, и, какие бы выводы он ни делал, их всегда отличает **честность** исследователя.

Большинство «критических» замечаний в его адрес сосредоточено на том, что автор – не историк. Можно ли считать подобный аргумент убедительным? Историческая география, так же как экономическая география и лингвистическая география – серьезные научные дисциплины. Будет ли правильным утверждение, что в этих областях знания «отсутствует» история? М. Аджи не разделяет понятия истории и географии, для автора они взаимосвязаны. Для него географ – это человек, изучающий все, что происходит в мире*.

* В своей последней книге «Святой Георгий и гунны» Мурад Аджи подробно рассказывает о том, как родилась его концепция Великого переселения народов, зародившегося на Алтае, и о том, какую роль сыграла в его исследованиях география: *«Экономическая география (не история!) помогла мне «распутать» клубок проблем, связанных с тюрками. Она открыла тюркский мир и Великое переселение народов, потому что законы общественного развития подобны законам природы. Их нельзя отменить или переписать, они действуют во все времена, у всех народов. Природная среда всегда влияет на жизнедеятельность общества, будь то до новой эры или в XXI веке. Такова объективная реальность на планете Земля... Разобрав на модели прописные азы экономической географии Древнего Алтая, иначе стал смотреть на его*

Как известно, существуют такие области науки, как физическая география, экономическая география, политическая география, историческая география, а также медицинская география и даже спортивная география. Одна из самостоятельных областей географии – страноведение, наука, изучающая природу, экономику, историю, культуру страны, традиции, образ жизни ее жителей. Когда М. Аджи говорит о географии, он подчеркивает, что это – не просто научный предмет, а область познания, где происходит синтез всех наук, связанных с природой и обществом: *«Это серьезная научная дисциплина, в ней, кроме исторических сведений, присутствуют знания других наук. Она дает более широкий взгляд на события, учит искать причину и следствие»*. Понятно, что такое преимущество в исторических исследованиях надо оценивать исключительно положительно.

В науке важен универсальный подход. Иначе сравнительный анализ, как и само исследование в целом, будут носить ограниченный характер. Полноценное исследование подразумевает тесную взаимосвязь с другими областями науки, такими как лингвистика, история, культура, философия, психология, антропология, география и археология, иначе (если изыскания носят односторонний характер) просто невозможно получить правильный результат. Вот почему в наши дни интеграция науки – это настоятельная потребность времени.

духовную культуру. Она стояла на экономическом фундаменте и подлежала моделированию, то есть выявлению причинно-следственных связей». См.: Аджи М. Святой Георгий и гунны. – М.: АСТ, 2019. С. 249. (Прим. перевод.)

Не менее важна связь исторической науки с психологией. Пожалуй, это – самая сложная задача, которую предстоит решить историку в своих исследованиях. В основе эмоциональных оценок в произведениях Мурада Аджи лежит стремление понять и оживить чувства людей, живущих в разные эпохи. Если смотреть с такой точки зрения, работы Мурада Аджи предлагают ученым более широкую и глубокую область исследования.

Обращаясь к научным источникам, на которые опирается Мурад Аджи в своих работах, сразу понимаешь, что это серьезные исследования, признанные всеми историками и мировой наукой. Автор подходит к их изучению очень тщательно, сравнивая, анализируя и никогда не ограничиваясь одной работой. При этом помимо хорошо известных изданий, он работает с источниками, которые, хотя и доступны всем, но по разным причинам забыты на книжных полках.

Мы живем в XXI веке, когда стало намного легче получить необходимую информацию, для этого существуют прекрасные возможности. К большинству источников, приводимых Мурадом Аджи в его работах, можно получить доступ уже в электронном виде. То же самое относится к книгам, статьям, интервью автора, произведения которого переведены на английский, испанский, немецкий и другие иностранные языки. Они опубликованы на его сайте и ждут своих любознательных читателей и исследователей.

Главные положения концепции Мурада Аджи – это хорошая основа для новых кандидатских и докторских диссертаций, для поиска новых направлений в науке. Исследование и переосмысление важных вопросов, связанных с историей тюркского мира, позволяет приблизить

историческую науку к людям и обществу, искать и находить наши общие ценности, «другого» в себе и себя в «другом». Знание и целостное восприятие истории способствует появлению общих национально-культурных традиций и почтительному отношению к «чужим» национально-культурным кодам.

Работы ученого Мурада Аджи, его деятельность и жизненный путь позволяют говорить о большом вкладе, благодаря которому возникают новые межкультурные связи. По сути, он добавляет новое историческое измерение в концепцию национального самосознания, Хочется надеяться, что этот вклад будет способствовать обучению и развитию исследователей нового поколения, а также многостороннему подходу к исторической науке.

Примечания *

1. *Аджиев М. Э.* Мы — из рода Половецкого! — Рыбинск, 1992. — 144 с.
2. *Аджи М.* Полынь Половецкого поля: Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его. — М.: ТОО «ПИК-КОНТЕКСТ», 1994. — 352 с.
3. *Аджи М.* Европа. Тюрки. Великая Степь.— 1-е изд. — М.: Мысль, 1998. — 334 с.
4. *Аджи М.* Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи. Книга для школьников и их родителей.— М.: «Новости», 1999. — 175 с.
5. *Аджи М.* Полынь Половецкого поля: Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его. —2-е изд., доп. и перераб. — М.: «Новости», 2000. — 454 с.
6. *Аджи М.* Кипчаки. Огузы. Средневековая история тюрков и Великой Степи. Книга для школьников и их родителей. — М.: «Новости», 2001. — 215 с.
7. *Аджи М.* Без Вечного Синего Неба: Очерки нашей истории.— М.: АСТ, Астрель, 2010. — 576 с.
8. *Аджи М.* Полынный мой путь. — М.: АСТ, 2014. — 960 с.
9. *Аджи М.* Средневековая история тюрков и Великой Степи: Книга для школьников и их родителей.— М.: АСТ, 2007. — 214 с.
10. *Аджи М.* Азиатская Европа.— М.: АСТ, 2006. — 1128 с.
11. *Adji, M.* (2001). Kaybolan Millet. Deşt-i Kıpçak Medeniyeti. Çev.: Özer, Z.B., AKM Yayınları . — 302 s. (Полынь Половецкого Поля. 2000.)

* В скобках указан источник, изданный на русском языке, который и приводится в переведенной статье. (Прим. перевод.)

12. *Adji, M.* (2002). *Kırçaklar*, Çev.: *Özer, Z.B.*, AKM Yayınları, 312 s. (Кипчаки. 1999.)
13. *Аджи М.* Тюрки и мир: сокровенная история. — М.: АСТ, 2006. — 638 с.
14. *Adji, M.* (2016). *Avrupa, Türkler ve Büyük Bozkır*. Çev.: *Özer, Z.B.*, *Doğukitabevi*. — 480 s. (*Аджи М.* Европа. Тюрки. Великая Степь. — 9-е изд., доп. и перераб. — М.: АСТ, 2015. — 509 с.)
15. *Аджи М.* Сага о Великой Степи. — М.: АСТ, 2016. — 608 с.
16. *Аджи М.* Дыхание Армагеддона.— М.: АСТ, Хранитель, 2008. — 254 с.
17. *Аджи М.* Великая Степь. Приношение тюрка. — М.: АСТ, 2014. — 672 с.
18. *Аджи М.* История тюрков. Такими знали нас. — М.: АСТ, 2015. — 317 с.
19. *Artamonov, M.İ.* (2008). *Hazar Tarihi. Türkler, Yahudiler, Ruslar*. Rusçadan çeviren *D. Ahsen Batur*. 3. Baskı, SelengeYayınları, İstanbul. — 670 s. (*Артамонов М. И.* История хазар. — Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. — 521 с.)
20. *Baskakov, N.A.* (1997). *Türk Kökenli Rus Soyadları*. Çev.: *Samir Kazımoğlu*. Türk Dili Kurumları Yayınları. — 234 s. (*Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. — М., 1993. — 279 с.)
21. *Edward Gibbon and the decline and fall of the Roman Empire* (1977). Ed.: *G. W. Bowersock, John Clive, Stephen R. Graubard*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press.
22. *Февр Л.* Бои за историю. Перевод *А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова*. — М.: Наука, 1991. — 635 с.
23. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. (Предисловие *Д. С. Лихачева*). — М.: АСТ, 2000. — 839 с.
24. *Özer, Z. B.* (1998). *Kaybolan Millet*. *Murad Adji*. *Polin'Polovetskogo Polyu // Bilge*, No 16/Mart, AKM Yayınları, s.61-64.

25. *Özer, Z.B.* (2004). Rus Dilinin Gelişme Evreleri, Ankara. 174 s.
26. *Özer, Z.B.* (2016). Sovyet Dönemi Alfabe Politikaları: Kazakistan Örneği // Prof. Dr. *Altan Aykut'a Armağan*. Rus Dili ve Edebiyatı İzinde. Editör: Prof. Dr. *Ayla Kaşoğlu*. Çeviribilim Yayınları. S. 358-377.
27. *Parkinson, R.N.* (1973). Edward Gibbon (Twayne's English authors series, TEAS 159). New-York. – 158.s.
28. *Плетнева С. А.* (1998). Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения). // Российская археология. 1998, № 4. С. 202–213.
29. *Сабитова З. К.* Прошлое в настоящем. – Алматы: Kazak Universiteti, 2007. – 318 с.
30. *Somuncuoğlu, T. B.* (2007). KumukYazar Murad Adji // Bilge, No50/Mart, AKM Yayınları, s.217-219.
31. *Tiesenhauzen, W.* (1941). Altınordu Tarihine Ait Metinler. Çev.: İsmail Hakkı İzmirli. Türk Tarih Yayınları No 2. Maarif matbaası, İstanbul. – 456 s. (*Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб., 1884; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений персидских авторов. Т. II. – М.; Л., 1959.)
32. *Uspenski, F.İ.* (1888). Rus' i Vizantiya v X veke. Reç, proiznesennaya 11 maya 1888 goda v torjestvennom sobranii Odesskogo Slavyanskogo Blagotvoritel'nogo obşçestva v pamyat' 900-letiya yubileya kreşçeniya Rusi. Odessa. – 38 s. (*Успенский Ф. И.* Речь, произнесенная 11 мая 1888 года в торжественном собрании Славянского Благотворительного общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси. // История Византийской империи: Период Македонской династии (867-1057). – М.: Мысль, 1997. – 527 с.)
33. *Шахматов А. А.* История русского летописания. Том 1. Кн. 2: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. – СПб.: Наука, 2003. – 1022 с.
34. *Зимин А. А.* История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Материалы дискуссии 1960-х годов. Институт русской литературы (Пушкинский

Дом) Российской Академии Наук. Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментариев Л.В. Соколовой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2010. –791 с.

Авторизованный перевод с турецкого: М. Курячая